

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАЛЕНЬКИЕ ЧУДЕСА

Чудеса творятся каждый день прямо у нас под носом. Просто мы смотрим невнимательно, вот и не замечаем.

– *Руфус Мухолов* –

Мама Бенджамина Чароврана вечно откладывала все на потом. Налоги она выплачивала не раньше, чем налоговые агенты начинали барабанить в дверь. Полы в доме не мыла месяцами. И никогда в жизни не давала себе труда приготовить обед — куда там! Когда от голода становилось невмоготу, она кидала Бена в машину и мчалась в ближайшую забегаловку.

Вот таким образом девятилетний Бенджамин Чаровран и оказался в рождественскую полночь в «Макдоналдсе».

Из динамиков над головой лилась «Тихая ночь»¹. Мама Бена уплетала за обе щеки «Чикен Макнаггетс».

— Ну, деточка, что ты хочешь получить завтра в подарок от Санта-Клауса? — спросила она Бена.

«Ну наконец-то!» — воскликнул про себя Бен. Он уже целый месяц ждал, когда же она спросит, но мама все откладывала и откладывала на потом — как обычно.

— М-м-м-кх-х-х... — Бен поперхнулся ломтиком картошки фри. — Хочу зверушку!

Мама выпучила глаза от изумления, покраснела, как гранат, и закашлялась. Шарик «Чикен Макнаггетс» выскочил у нее изо рта, пролетел через весь стол и плюхнулся за шиворот какому-то лысому типу за соседним столиком.

Тот схватил его, недоверчиво осмотрел и запихнул себе в рот, видимо, решив, что небеса одарили его манной.

¹ Популярный рождественский гимн. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Глава первая

— Но... но... — залепетала мама Бена, — ...ты же говорил, что хочешь маленького братика!

Бен попытался вспомнить. Верно, было дело — на день рождения. Но с тех пор прошла целая вечность!

— Больше не хочу, — твердо сказал он.

— А что, если уже слишком поздно? — вскричала мама уже почти в истерике.

Бен понял, что зверушки на Рождество ему не видать. Наверное, мама уже припасла для него маленького братика и прячет где-то в шкафу. Только и осталось упаковать его в золотую фольгу и сунуть под елку.

— Понимаешь, — пустился в объяснения Бен, — Колтон, ну, тот, что живет на нашей улице, тоже попросил маленького братика — а доктор дал ему *сестру*! А она только и делает, что пачкает пеленки и тянет в рот что ни попадя. И повсюду оставляет за собой склизкие пятна. Ребята ее так и прозвали — Слизняком.

— Ну хорошо, — сказала мама таким тоном, что сразу стало понятно: она ищет способ заставить его передумать. Какую ты хочешь зверушку? Ты же знаешь, что на кошек и собак у меня аллергия.

Бен задумался.

— А мамонта можно?

Дэвид Фарланд

— Мамонтов не бывает, детка.

— Ну, я хочу кого-нибудь хорошего. Чтобы с ним можно было играть и разговаривать, чтобы он стал моим другом...

— Ладно, подумаем, — сказала мама, как всегда говорила, когда хотела, чтобы Бен от нее отстал.

Той ночью Бен долго не мог заснуть. Он слышал, как мама и папа возятся внизу вокруг рождественской елки. Бен всегда брал с собой в постель футбольный шлем и бейсбольную битку — на случай, если из шкафа вылезет какое-нибудь чудовище. Так что он снял футбольный шлем, положил бейсбольную битку у кровати и прокрался на верхнюю площадку лестницы.

— Что же нам теперь делать? — сокрушалась мама. — Мы столько месяцев пытались завести ребенка! А он взял и передумал.

— Ну и хорошо, что передумал, — успокоил ее папа. — А не то этот ребенок надоел бы ему через неделю... а мы бы получили *еще одного* на свою голову.

Бен подобрался к перилам и выглянул через прутья. Мама и папа стояли на коленях под елкой. Елка так и проторчала в углу с прошлого Рождества: мама не удосужилась ее убрать. Пыль, точно серый снег, покрывала ветки тол-

Глава первая

стым слоем, и казалось, все дерево держится лишь на ниточках паутины, тянущихся с потолка.

— Бену нужен друг, — сказала мама. — С тех пор как Кристиан... он стал... какой-то... потерянный...

У Бена сжалось сердце. Кристиан был его лучшим другом. Но папа Кристиана устроился работать на завод пингвиных консервов и увез свое семейство в Антарктику.

— На что ему друзья? — удивился папа. — У меня друзей сроду не было — ну и что? Ничего страшного.

— А у меня когда-то была подруга, — вздохнула мама. — Друзья нужны, чтобы самому научиться дружить.

— Не видать ему друзей как собственных ушей! — заявил папа. — В его возрасте все дети — или крутые, или ботаники. А Бен — ни то ни се.

— Да нет же, он крутой, — возразила мама. — Еще немного — и ему дадут черный пояс в карате.

— Тряпка он, а не крутой! — рявкнул папа. — Настоящий крутой, когда идет, кулаками по земле чешет. А наш еще и книжки читает, прости господи. Где ты видела, чтобы нормальный ребенок книжки читал?

«Папа прав, — подумал Бен. — Почти все ребята что-нибудь умеют делать лучше всех. Крутой вроде Спенсера Грямза не станет с тобой дружить, если ты не умеешь стрелять соплями через всю спортплощадку. А ботаник вроде Т. Дж. Пипля на тебя и не взглянет, если ты не собрал всю эту чертову серию карт «Ю-джи-о!»»¹

А вот Кристиан был такой друг, с которым и через лужи можно было попрыгать, и по сточным трубам полазать, и просто поболтать о том о сем. Таких друзей, как он, днем с огнем не сыскать.

— Что Бену на самом деле нужно, так это научиться обходиться без друзей, — подытожил папа. — Как бы так устроить, чтобы он побыстрее перерос этот неудобный возраст? Может, попробовать стероиды? За год-другой мы из этого заморыша настоящего вояку сделаем. Поступит в морскую пехоту, а уж там-то друзей у него будет хоть отбавляй.

— Понимаешь, — начала было мама, — у него через пару месяцев день рождения...

¹ «Ю-джи-о!» — полнометражный японский мультфильм, пользующийся огромной популярностью в США. Вместе с билетами на него продают «карты тьмы», наподобие тех, с помощью которых герои фильма вызывают чудовищ и волшебные силы.

Глава первая

— Нет, — отрезал папа. — Он не готов к тому, чтобы ухаживать за животным. Животное надо кормить, чистить ему клетку... Бен в собственной комнате навести порядок не может — куда ему еще животное заводить?!

«Хм-м-м... — подумал Бен. — Если так рассуждать, то маме нельзя было заводить ребенка!»

На самом деле друзей у Бена не было потому, что мама никогда не убирала в доме. В школе говорили, у Чаровранов, мол, до того грязно, что приходится вытирать ноги, когда от них *выходишь*. И называли их дом Тараканником. Никто не хотел ходить к ним в гости, и Бену казалось, что еще немного — и от него станут ворошить нос даже его воображаемые друзья.

— Ну ладно, — сдалась мама. — Завтра так ему и скажем. Если Бен докажет, что может вести себя ответственно, отвезем его в «Ноев ковчег», и пусть сам себе кого-нибудь выберет.

— Кого? — спросил папа. — Гуппи или гориллу?

— Кого-нибудь *маленького*, — уточнила мама.

Бен вернулся в постель, и ему приснился говорящий кролик. Они с кроликом отправились ловить окуней на реку Лонг-Том. Окуни, большие и фиолетовые, как синяки, висели под водой и флегматично рыгали.

Дэвид Фарланд

Мимо проплыла утка с дюжиной утят.

— Осторожно с этими крючками, — предупредила она своих малышей, — а не то выколете себе глаз.

Когда Бен попытался насадить червяка на крючок, тот заизвивался и уполз, обиженно причитая:

— Почему ты не хочешь, чтобы я стал твоим другом? Я не такой слюнявый и сопливый, как маленькая сестричка!

Может быть, ему снилось и кое-что не такое веселое, но наутро Бен ничего подобного не припомнил.

* * *

Мама с папой так и не собрались поговорить с ним о зверушке, но Бен все время думал о ней. Он навел порядок у себя в комнате, а когда через несколько дней мама взяла его в город, застрял у витрины «Ноева ковчега» и долго тарасился сквозь стекло на хомячков.

Он изо всех сил старался расти побыстрее, чтобы папа думал о нем не так плохо, а книжки читал теперь только тайком. В надежде хоть с кем-нибудь подружиться, он старался улыбаться в школе всем подряд, даже тем, с кем

Глава первая

никто больше не хотел знать. Но обзавестись друзьями ему так и не удалось.

* * *

Под конец тринадцатого дня тринадцатого месяца нового тысячелетия Бен почувал перемены. Что-то носилось в воздухе. Целый вечер Бен не мог отделаться от странного чувства и продолжал об этом думать, даже переодеваясь ко сну. Что-то изменилось. Пахло чем-то необычным... может быть, настоящим волшебством.

Весь день, с самого утра, шел снег. Ленивые снежинки медленно кружились над землей и сбивались в сугробы между елками на заднем дворе. Но под вечер тучи разошлись и засверкали звезды; снег затянуло кисеей серебристого света, а на небо выкатилась оранжевая, как тыква, луна.

С карнизов соседского дома еще подмигивали разноцветные рождественские гирлянды. Снеговик на заднем дворе наклонился, словно пытаясь достать из сугроба отвалившийся морковный нос.

Внезапно все озарилось яркой вспышкой. Пылающий желтый шар пронесся по небоскло-

ну, врезался в Лысую горку и рассыпался облаком искр.

— Смотри, звезда падает! — крикнул Бен маме.

Мама даже головы не повернула — она изумленно пялилась на чистые простыни, которые Бен утром накрахмалил, выгладил и постелил на свою кровать.

— Загадай желание, — рассеянно отозвалась она.

У Бена заколотилось сердце. Он не стал ничего выдумывать специально — просто отпустил свои мысли плыть по воле судьбы: пусть они сами отыщут то, чего он больше всего хочет. И прошептал:

— Я очень хочу зверушку... ой, то есть друга. То есть такую зверушку, которая захочет со мной дружить.

Потом он надел футбольный шлем, который держал на тумбочке у кровати, схватил бейсбольную битку и забрался в постель.

— Ты знаешь, — сказала мама, — другие дети спят с плюшевыми мишками, чтобы не было страшно.

— Не говори глупости! — возмутился Бен. — Если вломится грабитель, чем я буду его бить — плюшевым мишкой?

Глава первая

— Да уж!.. — мама вздохнула. Этот спор тянулся уже давным-давно. Бен не первый год спал в шлеме и с битой. — Хорошо еще, что ты не тащишь в постель саблю. И на том спасибо.

Бен прочитал молитву, мама чмокнула его в щеку, пожелала доброй ночи и ушла.

* * *

А между тем за окном творились чудеса.

Через тринадцать минут после того, как упала первая звезда, по небу пронеслась вторая — слева от первой, под углом к ней ровно в двадцать градусов. И так они продолжали падать, по одной через каждые тринадцать минут, пока их не набралось ровным счетом тринадцать, и каждая звезда пролетала тютелька в тютельку по одному из тринадцати румбов компаса... ну, точнее, тех тринадцати румбов, которыми пользуются вороны.

И маленькие чудеса поползли изо всех щелей по всему Далласу (штат Орегон)... хотя никто — во всяком случае, никто из людей — ничегошеньки не заметил.

Тринадцать школьников ни с того ни с сего оторвались от своих видеоигр и побежали делать уроки. Тринадцать дворняжек внезапно за-

выли такими прекрасными голосами, что монахини из монастыря Святой Марии приняли их за ангельский хор, возвещающий второе пришествие. Снеговик за домом Бена наклонился, подобрал свою морковку, привинтил ее на место и поплелся прочь со двора.

Но самое большое чудо случилось в зоомагазине «Ноев ковчег». В бледном свете аквариумов, где держали неонов, разродилась мама-мышь.

Двенадцать крошечных розовых мышат, все с закрытыми глазками, лежали в гнезде. Другие мыши собрались вокруг и смотрели на них с восхищением. Даже рыба-ангел тарасила из дальнего угла свои глазищи, блестящие, как золотые монеты.

Лампы над аквариумами ярко вспыхнули. Их зеленые лучи слились в одно мерцающее, трепещущее пятно. Тринадцать бабочек-сатурний закружились над мышиным гнездом, словно живая корона, в унисон поднимая и опуская бледно-зеленые крылья и грациозно взмахивая хвостами. Сверчки, которых разводили на корм, запиликали на своих скрипочках под стеклом прилавка, приветствуя тринадцатую мышку, которая, попискивая и извиваясь, пробивала себе дорогу в жизнь.

Глава первая

Когда малютка упала на мягкий коврик из опилок, старый мышиный мудрец по имени Ячменная Борода благоговейно промолвил:

— Тринадцатая, и последняя, — девочка, как и было предсказано. Тринадцатое чудо этой ночи чудес.

— Но что в ней такого особенного, дедушка? — спросил его молодой мышонок.

— Число тринадцать обычно считается несчастливым, — сказал Ячменная Борода, — и в жизни ее ожидает множество опасностей, ибо враги будут стремиться ее уничтожить. Но нынче — ночь ночей, а значит, вся удача мира вольется в это новорожденное дитя.

— Так она будет счастливой? — спросил молодой мышонок.

— Не просто счастливой... она будет волшебной! Мыши, ей подобной, не рождалось на свет с тех далеких времен, когда мы, маленькие зверьки, царили на этой земле.

И Ячменная Борода прижался носом к стеклянной стене своей клетки, тоскуя о свободе. Не было нужды напоминать молодым, как это тяжело — родиться в клетке. Воистину незавидная участь для полевой мыши.

Ячменной Бороде только и оставалось надеяться, что эта малышка сумеет освободить их всех.

Дэвид Фарланд

Внезапно клетку накрыла тень. Ячменная Борода поглядел в окно. Мимо витрины топал снеговик в блестящем цилиндре и вертел в руке тросточку.

«Ну и дела», — подумал Ячменная Борода, провожая снеговика взглядом. А тот знай себе шагал под уличными фонарями и сверкал, словно обсыпанный алмазной пылью.

Вскоре снеговик исчез из виду. Он миновал еще несколько кварталов и наконец в одном дворе неподалеку встретил снеговичиху. Пристроившись рядом с ней, он положил руку ей на плечо и остался ждать весны.

Наконец Бен углядел одну мышку, не похожую на остальных, — самую маленькую, с золотистым отливом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КЛЕТКА

Все живут в клетках. Иногда клетку для нас строит кто-то другой. Но чаще всего стенки клетки — это пределы нашего собственного воображения.

– *Руфус Мухолов* –

Мама и папа так и не собрались поговорить с Беном о зверушке. Но Бен все равно изо всех сил старался доказать, что он может вести себя ответственно.

Каждый день, вернувшись из школы, он наводил порядок у себя в комнате. Он налегал на пылесос с такой силой, что повыдергивал весь ворс из ковра. Его комната превратилась

в островок чистоты посреди океана грязи, и маму его странное поведение тревожило не на шутку. Она даже стала подумывать, не показать ли сына психиатру.

Но, как всегда, отложила это на потом.

После уборки Бен занимался карате и делал уроки. А покончив с уроками, сам придумывал математические задачки и решал их. И писал сочинения о том, как ухаживать за зверушками, которых ему хотелось бы завести, — всякими разными зверушками, от муравьеда до тираннозавра.

Он так усердствовал с домашними заданиями, что под конец недели учителя засыпали его родителей сердитыми записками. «По-вашему, мне больше нечего делать, кроме как проверять по ночам тетради?» — кудахтала учительница английского миссис Кур. «Дайте хоть дух перевести!» — ворчал учитель истории мистер Свин. И даже учительница математики миссис Вольф взывала: «С меня хватит!»

Но даже это не произвело на маму и папу впечатления.

Поэтому за неделю до дня рождения Бен задействовал резервный план.

— Мам, — сказал он, — один мальчик из нашей школы, Хаким, уезжает в Нью-Йорк на пару

Глава вторая

недель. Он сказал, что заплатит мне десять долларов, если я присмотрю за его ящерицей. Можно мне, а, мам?..

Мама заподозрила неладное. Десять долларов за такую ерунду — это как-то слишком. Она-то знала, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

— А ты знаешь, как за ней ухаживать?

— Хаким сказал, ничего сложного. Ее даже кормить почти не надо. Он тут написал мне, как и что.

Бен протянул маме записку. Хаким учился в пятом классе и уже писал скорописью, подозрительно смахивающей к тому же на арабскую вязь. Бен чуть голову не сломал, разбираясь в его каракулях.

Мама прочитала и побледнела.

— А ты справишься? — спросила она, дрожащей рукой сжимая записку.

— Да запросто! — воскликнул Бен.

И правда, как еще доказать, что ты способен ухаживать за зверушкой? Да попросту показать на деле!

Вечером Хаким принес ящерицу. Это был нильский варан, черный с песочно-желтыми полосками на хвосте и ярко-желтыми пятнами на

спине и на лапах. Огромный, чуть ли не в метр длиной. Настоящее чудовище!

* * *

Первые несколько дней тринадцатая мышка, маленькая и слабенькая, лежала в гнезде и все время дрожала — на ее розовой коже не пробилось еще ни волоска. Она родилась слепой и не видела, где брать еду, а старшие братья и сестры отталкивали ее от матери, так что ей почти ничего не доставалось.

Она все слабела и слабела с каждым днем, и наконец у нее не осталось сил даже на то, чтобы дрожать. Ячменная Борода испугался, что малышка умрет.

Он уткнулся в нее носом и стал подталкивать поближе к матери. Ползти сама она не могла.

— А ну живи! Живи давай! — сердитым шепотом твердил Ячменная Борода.

— Зачем? — еле слышно пискнула малютка. — Умереть гораздо проще.

— Затем, что ты нам нужна, — ответил Ячменная Борода. — И мне, и твоей маме, и твоим братьям и сестрам. Ты всем нам очень нужна.

— Зачем? — снова спросила маленькая мышка.

Глава вторая

Ячменная Борода задумался: он не знал, как ей все объяснить.

— Мы живем в клетке, — наконец промолвил он. — Вокруг нас — стены. Невидимые, но толстые и самые что ни на есть настоящие. Отсюда не выбраться.

— А кто нас тут держит?

— Люди. Это такие странные звери. Розовые голыши — совсем без меха, только на голове пушок.

— А почему вы не покусаете этих голышей? — спросила мышка.

— Легко сказать! Они огромные! В сто раз выше мыши и в сто раз толще. Драться с ними невозможно. Мы перед ними совершенно бессильны.

— А зачем? — тоненьким голоском спросила мышка. — Зачем они нас тут держат?

— Время от времени эти голыши выбирают кого-то из нас и уносят из этой тюрьмы. Они говорят, что мы им нравимся, что они возьмут нас себе и будут холить и лелеять. И правда, они сажают нас в отдельные домики и балуют и кормят всякими вкусностями. В этих домиках на полу толстый, мягкий ковер из опилок. Там всегда тепло, и можно построить себе собственное гнездышко. А еще там есть вертящие-

ся колеса и другие игрушки. А когда надоедает играть и становится скучно, дети этих больших голышей носят нас на руках, гладят нас, и ласкают, и дарят нам заслуженную любовь.

Пока он говорил, другие мыши тоже подошли послушать. Они окружили кольцом Ячменную Бороду и его маленькую подопечную.

— Но это же так здорово! — воскликнул один молодой мышонок. — Зачем нас от этого спасать?

— А затем, — заявил Ячменная Борода, — что на свете есть кое-что получше, чем удостоиться избрания. Есть такая штука, которая называется *свобода*.

Он отвернулся от вопросительно глядевшего на него мышонка и снова склонился над малюткой. Та была совсем крошечная, слепая, лысенькая и такая слабая, что не могла даже лапкой шевельнуть.

— Когда-то, — продолжал Ячменная Борода, — давным-давно, сюда пришел чужой мыш... э-э-э... дикий мыш. Он пробежал под дверью нашего зоомагазина, но задержался и рассказал мне, что есть другая жизнь — жизнь за стенами клетки, в месте, неподвластном большим голышам, на солнечном и прекрасном Бесконечном Лугу. Это, сказал он, совсем неда-

Глава вторая

леко отсюда. Это такое место, которое создал специально для мышей Великий Владыка Полей и Болот. Еда там растет сама по себе на верхушках высоких стеблей: надо только потрясти стебелек — и зерно посыплется на землю. А питье там — сладкая роса, что собирается на листьях клевера. Там, поведал мне пришелец, над головой высятся прекрасные полевые цветы, яркие и разноцветные. А в окрестных полях зреет дикий горох и наливается соком земляника — приходи и грызи сколько хочешь! Днем, сказал он, там сияет солнце и радуги переливаются дивными красками, а по ночам в небе сверкают месяц и звезды.

— Ах, Бесконечный Луг! — вздохнул Ячменная Борода. — Я никогда не видел его наяву — только в грезах. Но это и есть наш истинный дом. Наша судьба. И если ты, дитя, останешься жить, ты сможешь нас туда привести.

Маленькая мышка слушала. Но услышала ли она его, Ячменная Борода не знал. Глазки ее затуманились. Должно быть, она вновь задремала и будет лежать так, то просыпаясь ненадолго, то вновь погружаясь в сон, пока не умрет.

Весь день и до глубокой ночи Ячменная Борода не отходил от малютки ни на шаг. Он согревал ее своим теплом и время от времени ты-

кал носом в животик, чтобы она почувствовала, как проголодалась.

Он взывал к Великому Владыке Полей и Болот, умоляя спасти дитя. И на рассвете молитва была услышана. Женщина-голыш, которую мыши называли Кормилицей, подошла к клетке, напевая вполголоса старинную песенку. И унесла шестерых слепых детенышей.

— Ура! — пищали детеныши, пока Кормилица вытаскивала их из клетки. — Нас избрали! Прощайте! Живите счастливо!

И все магазинные мыши за них порадовались. А у тринадцатой мышки теперь, когда их унесли, появился шанс добраться до еды.

Но Ячменная Борода опасался, что уже слишком поздно. Малютка слишком долго голодала.

— Она такая худенькая, такая слабенькая, — переживал он. — Вдруг она даже головку не сможет поднять, чтобы поесть?

Место рядом с матерью освободилось, но малышка была не в силах поползти до еды. Она опять пролежала всю ночь без движения.

Несколько раз Ячменная Борода слышал в темноте, как замирает ее дыхание. И каждый раз с ужасом думал, что это уже навсегда.

Глава вторая

Но на рассвете она внезапно встрепенулась и, увязая в толстом ковре из опилок, медленно поползла к маме под бок.

— Давай! — воскликнул Ячменная Борода, обливаясь слезами радости. — Вперед, смелее! Ползи к еде!

Остальные мыши тоже радостно запищали, подбадривая малышку, пока та не добралась до матери.

И — о счастье! — наконец-то поела.

А к концу первой недели она начала расти. И оказалась совсем не такой, как другие магазинные мыши. Все ее братья и сестры были буровато-серые, а в ее шерстке пробивались золотисто-желтые волоски. За этот необыкновенный цвет мама назвала ее Янтаркой.

Прошло три недели — и маленькая Янтарка начала играть с другими магазинными мышами.

Неделя для мыши — все равно что год для человека, так что росла Янтарка быстро. Ячменная Борода каждый день упрашивал ее испытать свою волшебную силу. Но день проходил за днем, а у нее ничего не получалось.

— Не волнуйся, — утешал ее Ячменная Борода. — Веруй в Великого Владыку Полей и Болот, и все будет хорошо.

Той ночью Янтарка долго сидела без сна, устроившись в уголке и глядя сквозь стеклянную стену на аквариумы с рыбками и террариумы с лягушками. Она пыталась понять, для чего же на самом деле она родилась на свет. И ничегошеньки не понимала.

На верхней полке в красивом мышинном домике сновали по ярко раскрашенным туннелям экзотические пятнистые мыши.

— Ух ты, в нашей кормушке опять чипсы с йогуртом! — то и дело кричали они сверху своим скромным соседям. — Вам, бурым мышам, небось такое и не снилось!

А другие пятнистые мыши подхватывали со смехом:

— Ну что вы все сидите в своей клетке? Заходите в гости, покатайтесь на нашем тренажерном колесе!

«Что же делать? — терзалась Янтарка. — Неужели это и есть вся жизнь: рыться в опилках да выискивать себе местечко почище?»

Ей хотелось быть особенной. Даже еще более особенной, чем какая-нибудь пятнистая мышь. Ей очень хотелось верить Ячменной Бороде. Но было ясно как день: никакой волшеб-

Глава вторая

ной силы у нее нет. Она и сама-то не могла вырваться на свободу, а уж освободить весь род мышиный — и подавно.

* * *

Наутро избрали маму Янтарки. А на следующий день унесли и Ячменную Бороду.

Все братья и сестры Янтарки покинули зоомагазин еще раньше, и, хотя в клетке оставалось полным-полно других мышей, ей стало очень одиноко.

Она мечтала выбраться из этого унылого стеклянного ящика, и оставалось только надеяться, что ее тоже скоро изберут.

* * *

Целую неделю Бен нянчился с нильским вараном. Он даже брал его с собой в ванну и обнаружил, что Имхотеп — так звали эту великолепную ящерицу — обожает нырять и шлепать хвостом по воде. После ванны Бен вынимал Имхотепа из воды и высушивал феном, а потом они вместе смотрели комиксы под ультрафиолетовой лампой.

Бен регулярно подливал Имхотепу чистую воду в поилку и следил, чтобы ему было тепло.

А вечером двадцать шестого марта, в день рождения Бена, мама сказала ему:

— Залезай в машину. Поедем в зоомагазин.

Зоомагазин «Ноев ковчег» был всего-то в трех милях от дома, но до сих пор Бену никогда не разрешали зайти внутрь. Это был первый раз.

Бен переступил порог и уставился на ежиков, копошившихся в опилках и довольно похрюкивавших.

Но мама сразу же повела его дальше, вглубь магазина, вручила ему доллар и воскликнула:

— Бр-р-р!.. Ну давай уже, бери мышь.

— Которую? — спросил Бен.

— Любую, — сказала мама. — Просто купи мышь и спрячь ее в пакет. Только не показывай мне эту гадость. — Она чихнула и, зажав нос, побежала к выходу. — Я сейчас задохнусь от этих кошек! — бросила она на бегу.

— Мышь, — прошептал Бен. — А мне и в голову не приходило, что можно завести мышь!

Впрочем, ничего удивительного. Папа ведь пообещал: если Бен докажет, что способен вести себя ответственно, ему позволят завести какую-нибудь *маленькую* зверушку. А что может быть меньше мышки?

Бен представил себе, как будет весело. Мышку можно будет носить с собой в школу

Глава вторая

в коробке для завтрака. И пускать ее бегать по комнате, пока он будет делать уроки.

Есть она будет совсем мало. И аллергии на мышей ни у кого нет. Одним словом, мышь — это замечательно!

Бен заглянул в стеклянный ящик. Симпатичные мышки рылись в опилках, толкались у поилки и носились по клетке друг за другом — наверное, играли в догонялки. Их там было несколько дюжин. Простые бурые мышки с черными глазами-бусинками. В соседнем ящике суетились другие мыши, особенные, — белые с бурыми пятнами, но те были по два доллара за штуку. На экзотическую мышь денег не хватило бы. А простая стоила всего пятьдесят центов.

Наконец Бен углядел одну мышку, не похожую на остальных, — самую маленькую, с золотистым отливом. Она тихонько сидела в опилках, сложив лапки на животе, и смотрела Бену прямо в глаза с таким видом, словно всю жизнь только и дожидалась его появления.

— Я могу чем-нибудь помочь? — подошла к Бену продавщица.

— Да, — кивнул Бен. — Я хочу вон ту, маленькую.

— Я назову ее Янтаркой, — заявил Бен, усевшись в машину.

Мама уже была за рулем, а он со своим драгоценным пакетом устроился на заднем сиденье. Мышка выглянула из пакета и снова уставилась ему в глаза. Бен погладил ее пальцем. Мышка фыркнула на него и встопорщила усики. Бен не понимал, откуда взялось это имя — Янтарка. Просто пришло на ум, и все тут.

— Не стоит слишком привязываться к ней, — заметила мама.

— Интересно, что она ест? — размышлял вслух Бен. — Как ты думаешь, ячменные зерна ей понравятся? У нас дома найдется ячмень?

Мама продолжала молча вести машину.

— А как ты думаешь, это мальчик или девочка? — спросил Бен.

— Какая разница? Держи пакет крепче, а то выскочит.

Бен украдкой достал мышь из пакета. Его *собственную* мышь, его первую в жизни домашнюю зверушку! Мышь вцепилась коготками в его рубашку, забралась повыше, устроилась в складке ткани на груди и закрыла глазки. Бен поцеловал ее.

Глава вторая

— Ты что, поцеловал эту мышь?! — ужаснулась мама, пытаясь разглядеть в зеркале заднего обзора, что он там делает.

— Нет, — соврал Бен.

— Никогда не целуй мышей! Они все равно что крысы, только мелкие. Карликовые крысы. Грязные твари, разносят всякую заразу.

— Какую такую заразу? — внезапно забеспокоился Бен.

— Вирус пулополюса и «черную смерть»! — ответила мама. — А ну-ка положи эту гадость в пакет и больше не трогай!

Бен нахмурился. Он отцепил мышь от рубашки и пересадил в сложенную лодочкой ладонь. На вид мышка была ничуть не грязная и совсем не больная. Она сидела с закрытыми глазками — должно быть, спала. Бен старался не шевелиться, чтобы не разбудить ее. За всю дорогу Янтарка не издала ни звука.

Как только машина остановилась перед домом, Бен бросился в гостиную. Папа сидел в кресле и смотрел «Самурая Джека»¹.

¹ «Самурай Джек» (2001—2004) — американский мультипликационный сериал о молодом самурае, который совершает путешествие во времени, чтобы спасти мир от злобного чудовища-оборотня Аку.

— Смотри, папа! — выкрикнул Бен. — У меня мышь, настоящая мышь! Ее зовут Янтарка!

Папа подался вперед, не отрывая глаз от телевизора.

— Вот и хорошо, — раздраженно рявкнул он. — А теперь марш наверх и скорми ее варану!

От ужаса у Бена скрутило живот.

— Ты что?! Зачем?..

— Ты записку Хакима читал? Раз в неделю варана положено кормить, — объяснил папа.

У Бена словно земля под ногами разверзлась. Хаким говорил, что варан не особенно прожорлив, но время от времени его все же надо *чем-то* кормить. Ну конечно! Мышами. Он питается мышами!

Никогда в жизни Бену не было так плохо. Живот скрутило еще сильнее, перед глазами все поплыло.

— Просто брось эту мышь ему в клетку, — скомандовал папа. — Варан с ней сам разберется.

— Нет! — слабым голосом запротестовал Бен. — Нет, пожалуйста! Я... не могу...

Отец смерил его суровым взглядом.

— Бен! — гаркнул он. — Ты сам на это пошел! Ты несешь ответственность за Имхотепа.

— Но, папа...

Глава вторая

— Ремня просишь? — окончательно рассвирепев, пророкотал папа и впился в Бена глазами, холодными, как сталь. — А ну-ка возьми себя в руки! Будь хорошим морпехом!

— Если ты скормишь эту мышь Имхотепу, мы подумаем и, может быть, на следующей неделе купим тебе другую, — вмешалась мама.

Отец сверкнул на нее глазами. Об этом они не договаривались.

— Правда? — спросил Бен. — Мне можно будет завести другую мышку?

— Может быть, — сердито буркнул папа.

— А что, если... что, если я оставлю себе эту? — спросил Бен. — Я заплачу вам за нее из моих карманных денег.

Мама все время забывала выдавать ему карманные деньги. Она столько раз откладывала это на потом, что уже задолжала Бену целое состояние — по его подсчетам, долларов пятьдесят, не меньше.

— Можно еще раз съездить в зоомагазин и купить другую мышь, — с жаром продолжал он. — А Янтарку я тогда смогу оставить себе.

Свирепый взгляд отца пригвоздил его к полу.

— Зоомагазин уже закрылся. А варан голоден. Иди, исполняй свой долг, *солдат!*

Бен вздрогнул. Он уже знал: если отец называет его «солдатом», лучше сразу послушаться, а не то ему и впрямь несдобровать. И все-таки он решился на еще одну, последнюю, отчаянную мольбу:

— А может, покормить его консервами?

Мама вскинула на него глаза и грустно промолвила:

— Запомни, деточка: никого на свете — неважно, человек это или зверь, — нельзя заставлять есть консервы. Это слишком жестоко.

Отцовские угрозы, с одной стороны, и мамино обещание — с другой, не оставляли ему выбора.

С Янтаркой в пригоршне Бен поплелся наверх, с трудом переставляя ноги.

Когда он добрался до верхней площадки, каждый удар сердца отдавался в ушах оглушительным грохотом. Бен еще не знал, осмелится ли он обмануть родителей. Может быть, удастся спрятать мышку под кроватью и только сделать вид, что он скормил ее варану.

Нет, решил он наконец, это слишком опасно. Варан может умереть с голоду.

Бен отворил дверь своей комнаты.

Красавец Имхотеп горделиво возвышался посреди клетки, опершись передними лапами на корягу для солнечных ванн. Заметив Бена, он

Глава вторая

высунул темный язык и с предвкушением уставился на мальчика. Как будто только его и ждал.

«А может, покормить его конфетами?» — подумал Бен. Недавно была Пасха, и в ящике стола у него завалилось несколько сахарных цыплят... Нет, не пойдет. Нильский варан питается мышами. От конфет он, чего доброго, заболит.

Янтарка крепко спала, свернувшись на ладони Бена клубочком.

— Прости меня, — сказал ей Бен. — Честное слово, мне очень жаль.

Янтарка встрепенулась и повела носом, прихихиваясь.

Бен еще раз напомнил себе, что выхода нет. Он подошел к клетке варана и сдвинул жестяную крышку. Потом взял Янтарку за хвостик и осторожно приподнял.

— Прощай, Янтарка, — прошептал он трясущимися губами.

Внезапно Янтарка очнулась. Ее темные глазки впились в варана. Она запищала в ужасе и задергалась в пальцах мальчика, пытаясь вырваться на свободу.

Имхотеп почуял ее страх.

Облизываясь раздвоенным языком, он задрал голову и жадно уставился на добычу, готовый к броску.

Дэвид Фарланд

И тут началось что-то странное.

Мышь продолжала визжать — все громче и громче, наполняя всю комнату отзвуками пронзительных воплей.

А затем грянул громовой раскат и полыхнула ослепительная синяя вспышка.

И тотчас началось превращение. Тело Бена разом съежилось и выскользнуло из одежды — рубашка вдруг стала огромной, как цирковой шатер. Его словно ухватили и потянули изо всех сил в разные стороны: с одной стороны — за нос и уши, а с другой — чуть пониже спины. И в тот же миг большие пальцы у него ссохлись до крошечных пупырышков, зато передние зубы стали просто огромные.

Слезы боли хлынули у Бена из глаз.

А мышь все визжала и визжала.

Бен испустил дикий крик.

Хвост Янтарки стал невероятно длинным и толстым. Только что Бен сжимал этот хвост двумя пальцами — а теперь не смог бы обхватить даже двумя руками.

Бен рухнул вниз вместе с Янтаркой, вверх тормашками, и приземлился — плюх! — прямо на кучу песка рядом с поилкой варана.

Он покрутил головой и ошарашенно заморгал глазами. Теперь он был не больше Янтарки,

Глава вторая

растянувшейся рядом с ним на песке. Стеклянные стены уходили ввысь отвесными скалами.

А посреди клетки, словно исполинская башня, возвышался варан. В это мгновение Бен почувствовал, каково было бы взглянуть в глаза голодному динозавру.

— Хвала Аллаху! — облизнувшись, прошипел варан. — Эх, сюда бы еще конских бобов да чашечку доброго гавайского пунша! Друзья к обеду — что может быть прекраснее?

— Я назову ее Янтаркой, — заявил Бен, усевшись в машину.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВЕЛИКИЙ ИСХОД

Как бы резво ты ни бежал, все равно от собственного страха не уйдешь. Единственный способ победить его — сойтись с ним лицом к лицу.

– *Бушмейстер* –

Янтарка попятилась от гигантского ящера. Черный язык Имхотепа щелкнул у них над головами, как хлыст. Янтарка потрясенно уставилась на Бена. Она никогда в жизни не видела такой красивой мыши — он был невероятно, головокружительно, идеально прекрасен.

Его ониксовые глаза мерцали бликами света от ультрафиолетовой лампы. Волоски его лос-

нящейся шубки переливались дивными красками: от золотисто-рыжей у корней до черной на кончиках. Гибкий хвост его был безукоризненно изящен и стремителен в каждом движении. При виде его несравненных усов у Янтарки перехватило дух.

— Что стряслось? — моргая, пробормотал Бен. — Куда подевались мои большие пальцы? И откуда на мне взялась эта норковая шуба?

Он развернулся, волоча за собою длинный хвост. Оглянулся через плечо, пытаясь толком разглядеть, что это у него там сзади... И тут, поняла Янтарка, до него наконец дошло.

— Мама! — взвизгнул Бен и завертелся на месте, ошавев от ужаса. — Мама, спаси меня! Я... Кажется, я превратился в какого-то *грызуна*!

Гигант Имхотеп шагнул вперед. Его черный язык со свистом рассекал воздух прямо над головой Бена.

— Ты не просто грызун, — с сильным восточным акцентом произнес он. — Ты упитанная, сочная и прыгучая мышь в полном соку, если мой язык меня не обманывает. Крепко сбитая. Отменные мышцы. Окажи мне любезность: когда попадешь внутрь, не пищи! Когда еда в глотке начинает визжать, у меня портится аппетит.

Глава третья

— Но... но... как такое могло со мной случиться? — пролепетал Бен.

— Обычное проклятие, — ответил Имхотеп. — Это все у нас в Египте изобрели: проклятия мумий, фараоны-маги и все такое. Кстати, мой двоюродный брат — ученик джинна.

— Но кто меня проклял? — изумился Бен.

— Вот эта юная волшебница. — Варан дернул подбородком в сторону Янтарки.

У Янтарки подскочило сердце.

— Я? — пискнула она, вытаращив глаза. — Это что, я его заколдовала?! Но я же не умею!..

Но отрицать, что мальчик превратился в мышь, было невозможно, и в глубине души Янтарка уже поняла, что старик Ячменная Борода не ошибся: она действительно обладает волшебной силой.

Бен вздрогнул и обернулся к Янтарке, словно только что ее заметил.

— Да ты же девчонка! — взвизгнул он. — А я совсем голый!

Он торопливо скрестил задние лапы, а передней попытался прикрыть грудь.

— Конечно ты, кто же еще? — невозмутимым басом заверил Имхотеп Янтарку. — Ты пожелала, чтобы он на собственной шкуре узнал, каково это — быть мышью. — Пока варан пере-

водил дыхание, Янтарка сообразила, что и впрямь выкрикнула именно такие слова за секунду до того, как Бен бросил ее в клетку к этому чудовищу. — Ну вот он и превратился в мышь, — заключил Имхотеп. — А теперь перейдем к обеду.

— Мама! — заорал Бен. Крик отразился от стеклянных стенок эхом не громче обычного мышиного писка. — Варан хочет меня съесть!

Голова варана метнулась вперед.

Янтарка нырнула за корягу. Шерсть на ней встала дыбом. Ультрафиолетовая лампа пылала над головой, как огромный костер.

От ужаса Бен на мгновение замер, потом попытался было отступить, но запутался в собственных лапах. Плюхнувшись на живот, он пополз туда же, где укрылась Янтарка, выкрикивая ящерицу:

— Подожди! Не ешь меня! Разве я плохо о тебе заботился?

— Заботился?! — проревел Имхотеп. — И ты называешь это заботой? По-твоему, мне нравилось по сто раз смотреть одни и те же дурацкие комиксы? По-твоему, мне приятно было, когда меня совали в ванну с мыльными пузырями?

— Нет, постой! — взмолился Бен. — Как насчет Янтарки? Это же она предназначалась тебе на обед?

Глава третья

— Кто, я? — пискнула Янтарка.

Варан немного помедлил, словно в раздумье, а затем неожиданно попятился. Ему явно стало не по себе.

— Не люблю волшебных мышей, — проворчал он. — Меня от них пучит.

И снова двинулся вперед, изогнув шею и немолимо оттесняя Бена в угол.

Янтарка вскинула голову и увидела, что Бен оставил крышку приоткрытой. «А что, если...» — подумала она.

— Бен! — крикнула она, указывая вверх, на крышку. — Прыгай!

— До нее метров пятнадцать! — прокричал Бен в ответ. — Я не допрыгну! Вот если бы лестница была... или веревка...

Янтарка взбежала на корягу. В зоомагазинной клетке таких огромных бревен не было. Там ей не на что было залезть, чтобы попытаться допрыгнуть до верха. Но теперь — дело другое. Она взобралась на самую верхушку коряги, оттолкнулась и прыгнула. И всеми силами своей души *пожелала*, чтобы ей все удалось.

Она уцепилась коготками за край крышки и повисла на самых кончиках лап.

Задрав голову, Бен наткнулся взглядом на ее болтающийся хвост.

— Веревка! — завопил он.

Варан ринулся на него.

Лапы Бена сжались тугими пружинами и вытолкнули его со дна клетки прямо вверх, точно горошину из стручка.

Он повис в воздухе, что было сил цепляясь за хвост Янтарки.

— Мой обе-е-е-ед! — заскулил варан, подпрыгивая и щелкая зубами на Бена с Янтаркой. — Мой обе-е-е-ед!

— Отпусти мой хвост! — потребовала Янтарка.

— А иначе что? — поинтересовался Бен. — Превратишь меня в слизняка?

— Звучит заманчиво! — заявила Янтарка.

— Ах! — вздохнул Имхотеп. — Какие восхитительные лакомства висят у меня прямо перед глазами! Сладше фиников в саду при храме Амона-Ра!

Он забрался на корягу и громко чавкнул. Бен еще крепче стиснул хвост Янтарки, вереща и раскачиваясь, как Тарзан.

— Я сейчас сорвусь! — пискнула Янтарка.

Ее крохотные коготки уже соскальзывали, не в силах выдержать такую тяжесть.

— Слезай! — крикнул Имхотеп. — Я люблю американцев!

Он подпрыгнул, пытаясь ухватить Бена зубами.

Глава третья

— Янтарка! — крикнул Бен. — Преврати его в клопа!

«Интересно, а у меня получится?» — подумала Янтарка. Но прежде, чем она разрешила свои сомнения, Бен взвизгнул и лягнул ящера в нос. Должно быть, он крепко ему врезал, потому что отдачей от удара самого Бена снова подбросило вверх, как на пружине, и вынесло наружу через щель между крышкой и стенкой. Хвост Янтарки он так и не отпустил — и вытянул ее за собой следом. Перемахнув через крышку, они плюхнулись на пышный ворсистый ковер.

Впервые в жизни Янтарка оказалась на воле и на мгновение забыла обо всех своих страхах. Она стояла на ковре и озиралась по сторонам. Вокруг раскинулась настоящая страна чудес. Рядом с клеткой лежали ботинки, рубашка и брюки — одежда Бена, распростертая на полу, словно поверженный великан. И вся комната была полным-полна всяких интересных штук: на стенах — плакаты с драконами, на столыке у зеркала — призы за соревнования по карате...

Бену, похоже, передалось ее настроение.

— Ну и комната!.. — изумленно прошептал он, глаза на потолок. — Огромная, как баскетбольная площадка!

Но внезапно он схватился за грудь и захныкал:

— Что у меня с сердцем? Ударов четыреста в минуту, не меньше! Наверное, это сердечный приступ!

— Для мыши это нормально, — заверила его Янтарка.

Сзади донесся скрежет. Янтарка обернулась. Имхотеп встал на дыбы и, вытянувшись во весь рост, скреб когтями стеклянную стену — пытался выбраться из клетки.

— Вернитесь! — взывал он. — Я никого не съем! Поверьте же мне, мои маленькие американские друзья! Это была просто шутка! *Безвкусная* шутка!

Присев на задние лапы, Бен раскачивался из стороны в сторону и старался перевести дух.

— Ну ладно, — пропыхтел он наконец. — Давай, превращай меня обратно.

Янтарка уставилась на него, не мигая. Бен явно хотел встать на две ноги. Он еще не осознал всех последствий постигшей его перемены. Все, что теперь было в его силах, — это сесть столбиком, и не больше. Несколько секунд Янтарка наблюдала за его тщетными усилиями, а потом дернула усами и негромко фыркнула:

— Я не знаю как.

— Но ты же волшебница! — возмутился Бен.

Глава третья

— Нет, — возразила Янтарка. — Ну, то есть, может быть... Я хочу сказать, я... э-э-э... я не знаю.

— Ничего страшного. — Бен хотел, чтобы эти слова прозвучали спокойно и рассудительно, но ничего не вышло. — Просто *пожелай*, чтобы я снова стал человеком.

— С чего бы это? — вдруг рассердилась Янтарка. — С какой стати мне что-то для тебя делать? Сначала носится со мной как с лучшим другом, а потом пытается скормить какой-то мерзкой ящерице!

— Я не виноват! Меня папа заставил!

— Значит, ты всех своих друзей скормливаешь ящерицам, когда папа велит?

— Да пойми же ты, крыса недоделанная, ну не виноват я, не виноват! — рассвирепел Бен. — Ты превратила меня в мышь — так давай превращай обратно! — Бен стиснул кулачки и двинулся на Янтарку: эта вредная мышиная девчонка отняла у него все!

— Ты, клоп вонючий! — взвизгнула она и, бросившись на него, опрокинула на спину. — Ты пытался меня убить, а теперь еще чего-то требуешь, червяк червивый!

Она вцепилась в его роскошные усы и злобно рванула, выдрвав пару волосков.

— Ой-ой! — взвыл Бен.

Пока он оплакивал потерю усика, Янтарка успела взобраться на него верхом и теперь пыталась открутить уши. Она была вне себя от ярости. Уши не поддавались — и она укусила Бена за нос.

— Отвяжись! — завопил Бен и лягнул Янтарку в живот, вспомнив, что он — каратист. От удара Янтарка пролетела сантиметров пятнадцать и с глухим стуком приземлилась на ковер. У нее даже слезы навернулись на глаза, так больно он ей двинул. Больше она не нападала — только стояла перед ним и вся тряслась от носа до кончика хвоста.

— Дерешься как девчонка! — проворчал Бен.

— Я дерусь как мышь! — возразила Янтарка. — Это совсем другое дело.

— А ну-ка пожелай, чтобы я опять стал человеком! — потребовал Бен.

Но Янтарка не собиралась его прощать. Он заслуживал наказания. Кроме того, она сильно сомневалась, что у нее что-то получится. Ячменная Борода твердил, что она наделена волшебной силой. Однако сейчас, при виде Бена, Янтарке казалось, что она совершенно бессильна. На самом деле ей было очень страшно. Ее все еще била дрожь от одной мысли о варане.

Глава третья

«И потом, — пришло ей в голову, — если я превращу его обратно в человека, я останусь совсем одна».

— Мне нравится, что ты превратился в мышь! — заявила она сердито. — И если на то будет моя воля, ты останешься мышью навсегда.

Бен взглянул ей в глаза и, почувствовав, как она разъярена, в страхе попятился.

* * *

Надо иметь в виду, что, когда волшебник вершит свои чары, он вкладывает в них много силы (это как электрический разряд при ударе молнии или как тепло, которое выделяет горящий костер). При этом от него исходит волна магической энергии — облако плазмы, ощутить которое могут только самые могущественные чародеи.

Превратив Бена в мышь, Янтарка выплеснула огромный заряд магической силы — все равно что атомная бомба взорвалась.

А между тем где-то в Луизианском болоте на корне кипариса, вздымавшегося чуть ли не прямо из воды на краю обширной заводи, восседал весьма почтенный лягушка-бык мужеска пола

по имени Руфус Мухолов и выквакивал очень длинное и сложное заклинание, какое — вот уж что правда, то правда! — было по силам только такому могучему старому лягуху, как он.

Смолистые черные волны мягко шлепали по древесным корням. Небольшой аллигатор тихо бороздил заводь, не отрывая внимательного взгляда от Руфуса, но тот величественно не обращал на него ни малейшего внимания. Несмотря на крайне молодой возраст, аллигатор был достаточно умен, чтобы даже не пытаться напасть на волшебника. Кроме того, к его услугам были миллионы других лягушек болота — по мощности звучания их вечерний хор соперничал с громовыми раскатами.

Пониже Руфуса пятеро юных лягушек — совсем еще практически головастика — терпеливо слушали его вопли. Разносившееся над болотом заклинание должно было принудить грифовых и каймановых черепах, в изобилии водившихся в здешних местах, утратить интерес к молодой лягушачьей поросли, покинуть насиженные территории и отправиться искать себе добычу куда подальше. Магические формулы как раз только что начали действовать — над болотом поднимался странно мерцающий туман.

Глава третья

И вот посреди этого впечатляющего представления Руфус внезапно ощутил докатившиеся до него издалека отзвуки Янтаркиного волшебства — и сила их потрясла старого колдуна до глубины души. Он окинул аурические горизонты внутренним взором и увидел, как они вспучились, словно ядерный гриб.

С громким «бурп!» у Руфуса отвалилась челюсть. Мерцающая дымка у него над головой нерешительно поколебалась и растаяла.

Один подросток, сидевший у ног Руфуса, — столь юный, что еще не вполне утратил хвост, — робко спросил:

— Что-то случилось, мастер Мухолов?

— Вот это я называю по-настоящему мощной работой! — пробормотал лягух.

Руфус и гадать не решался, что это было за заклинание и кто его сработал, но внутри у него появилось хорошо знакомое не то сосущее, не то щекочущее чувство, словно он только что проглотил крупного паука и тот даже в желудке продолжает извиваться.

— Да я с икриночного возраста такого не видал. Там промышляет воистину могущественный маг!

— Белый маг или черный? — осторожно поинтересовался почти-совсем-еще-головастик.

Дэвид Фарланд

В волнении Руфус прикусил нижнюю губу. Возмущение ауры пришло с дальнего запада, он был в том уверен. На западе водились в основном черные маги. И в последний раз, когда Мухолову случалось видеть такой выплеск магической энергии, он предвещал начало великой войны, в которой многие белые маги сложили свои головы.

— Нам придется послать волшебника на разведку, — пробормотал старый лягух и тут же погрузился в раздумья о том, кому можно было бы доверить подобную миссию в это время года.

— Единственное, что нам остается, — проквал он с некоторым запозданием в ответ ученику, — это надеяться на лучшее.

* * *

В это самое время в уединенной пещере близ морского побережья в шестидесяти с лишним милях от Бенова дома еще один колдун в полудреме свисал с каменного потолка, держась за него ногами и эффектно завернувшись в кожаные крылья — хотя на самом деле не эффекта ради, а чтобы сохранить тепло. Имя колдуну было Ночекрыл. В носу его побле-

Глава третья

скивало потускневшее от времени серебряное колечко, а вдоль края невероятных размеров ушных раковин, затенявших крохотное личико, бежал ряд серебряных «гвоздиков». мех его обладал роскошным оттенком подернутых перлом оранжевых угольев умирающего костра, а голые мембраны крыльев и ушей были сплошь зататуированы разными мистическими символами.

Тяжелые пурпурные веки его были прикрыты. Тихо покачиваясь, колдун мурлыкал во сне:

*Как-то в полночь, в час угрюмый,
утомившись от раздумий,
задремал я над страницей фолианта
одного.*

*И очнулся вдруг от звука,
будто кто-то вдруг застукал,
будто глухо так затукал в двери дома
моего.*

*«Гость, — сказал я, — там стучится
в двери дома моего,
гость — и больше ничего»¹.*

¹ Эдгар Аллан По (1809—1849) — американский писатель и поэт, певец ужаса и мрака. Ночекрыл читает фрагмент его стихотворения «Ворон», перевод М. Зенкевича.

Ворвавшаяся в пещеру взрывная волна от Янтаркиного волшебства чуть не стряхнула его с потолка.

Колдовской разум, что греха таить, был не в лучшей форме после долгой зимней спячки, но ему не понадобилось много времени, чтобы со всей отчетливостью осознать: с такой могучей силой сталкиваешься далеко не каждый день. На самом деле на его памяти такое случилось лишь однажды — когда Жесточайший впервые пробудился в своем могуществе и воссел на трон Ужаса, чтобы править миром.

Ночекрыл распахнул глаза.

Его клеветы валялись вповалку по всей пещере, погрузившись в оцепенение глубокого сна. Это были поистине чудовищные создания, извращенные порождения самых жутких ночных кошмаров. Но лишь один из них почувствовал, что, кажется, что-то не так.

— Что это там стряслось? — спросил фамильяр¹ Ночекрыла, когда волна магической плазмы от заклинания вкатилась в пещеру. Это был

¹ Фамильяр, или фетч, — спутник и помощник в животном обличье, который есть у каждой ведьмы и каждого колдуна. У волшебников-людей в этом качестве особой популярностью пользуются черные кошки, жабы, вороны и летучие мыши.

Глава третья

клещ, обитавший в районе правого уха. Чтобы сказать эту фразу, ему пришлось вытащить свой острый хоботок из Ночекрыловой плоти. Ощущения у последнего при этом были весьма болезненными.

— То пляска смерти началась, — отвечивал Ночекрыл, наостряя уши. — Безумие, и Грех, и Ужас — один другого краше! — там правят бал.

— Как это По-этично! — вздохнул клещ, которого, кстати сказать, звали Дарвин. — Значит ли это, что я смогу напиться свежей крови? Ты, знаешь ли, уже как-то поизносился.

Ночекрыл от омерзения сморщил нос. Его давно подмывало съесть вредного паразита, а поскольку Ночекрыл был насекомоядным (чему упорно противоречили загадочно возобновлявшиеся время от времени слухи о его родстве с самим графом Дракулой — по материнской линии), жизнь Дарвина висела буквально на волоске. Но, увы, Ночекрыл нуждался в обеспечиваемой фамильяром магической силе не менее, чем тот в его, Ночекрыла, крови.

— Будет тебе кровь, мой милый, — сказал колдун, отцепляясь от потолка, изящным выражением становясь на крыло и беря курс на источник силы. — Крови хватит на всех!